

полное подробностей; вѣроятно авторъ имѣлъ передъ собою лучшіе греческіе образцы ⁴⁶).

Хотя нельзя отказать Евѣимію и его ученикамъ въ ревностныхъ усиліяхъ къ обогащенію литературы, тѣмъ не менѣе нужно признать ихъ внутреннее достоинство ничтожнымъ. Ясности, энергіи и безыскусственности Іоанна Экзарха и монаха Храбра здѣсь нѣтъ и помину; здѣсь процвѣтаетъ византійская риторика. Самый языкъ (въ особенности въ отношеніи синтаксиса) испорченъ греческимъ влияніемъ, неестественъ и трудно понимаемъ. Лучшее всѣхъ писалъ еще самъ Евѣимій. Наборъ словъ и напыщенность Цамблака никѣмъ въ болгарской литературѣ не превзойдены. Въ грамматикѣ Константина встрѣчается очень много курьезовъ; также въ историческихъ его сочиненіяхъ языкъ иногда темень и искусственъ. Эта литература никогда не проникла въ народъ; ему былъ чуждъ ученый церковный языкъ съ его архаизмами и грецизмами.

Съ церковью и государствомъ погасла также и литература. Въ слѣдующія три столѣтія старыя рукописи стали добычею чужестранныхъ вандаловъ или домашнихъ червей и моли, а новыхъ мало прибавлялось.

⁴⁶) Первое изданіе этой имѣвшей большой кругъ читателей, испещренной многими вставками и внесенной въ русскіе хронографы книги, у Попова (Изборникъ, см. зам. 36) 92—130; второе—д-ра Янко Шафарика, Гласник 28 (1870), третье и лучшее—Ягича, Гласник 42 (1875), съ важнымъ предисловіемъ. Нѣкоторые отрывки у Григоровича, О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ (Казань 1859), представляютъ еще древнѣйшій и оригинальнѣйшій текстъ.